

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Ю.В. Холодкова¹*Пензенский государственный университет*ТРАДИЦИИ ТВОРЧЕСТВА ТОМАСА ГУДА В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье осуществлен сравнительно-сопоставительный анализ традиций творчества английского поэта Томаса Гуда в русской литературе и культуре второй половины XIX – начала XX века. К анализу привлекаются материалы, относящиеся к деятельности русских поэтов, а также, представителей живописи и сценического искусства. Традиции Гуда можно видеть не только в русской поэзии второй половины XIX – начала XX в., но и в прозе русских писателей этого времени (Н.Г.Чернышевский «Что делать?», Ф.М.Достоевский «Преступление и наказание»). Имя Томаса Гуда появлялось в русской печати и на страницах переводной прозы. Традиции творчества Томаса Гуда в русской литературе и культуре второй половины XIX – начала XX в. достаточно многочисленны и при этом весьма тенденциозны. Обращение к произведениям Гуда являлось своеобразным «маркером» социальной позиции русских писателей и деятелей культуры этого времени, причем их внимание привлекало не творчество английского автора в целом, а отдельные его стихотворения социальной направленности, прежде всего – «Песня о рубашке», в меньшей степени – «Мост вздохов», «Сон леди», «Песня работника», оказавшиеся созвучными общественным настроениям эпохи.

Ключевые слова: Томас Гуд, поэзия, живопись, сценическое искусство, рецепция, русско-английские историко-культурные и литературные связи, художественная деталь.

---

¹ Юлия Владимировна Холодкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Пензенского государственного университета

Yu. V. Kholodkova
Penza State University

THOMAS HOOD'S TRADITIONS IN THE RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE OF THE SECOND HALF OF XIXth – BEGINNING OF XXth CENTURY

The article presents a comparative analysis of creative traditions founded by an English poet Thomas Hood reflected in Russian literature and culture of the second half of XIXth – early XXth century. Under analysis are materials related to the activities of Russian poets, as well as masters of painting and drama. T. Hood's traditions can be found not only in the Russian poetry of the second half of XIXth – early XXth century but also in prose of Russian writers of this period (N.G. Chernyshevsky's "What Is to Be Done?" F.M. Dostoyevsky's "Crime and Punishment"). Thomas Hood's name appeared in the Russian press and in translated prose. Thomas Hood's creative traditions reflected in Russian literature and culture of the second half of the XIXth – early XXth century are quite numerous and at the same time, they are very biased. Turning to Hood's texts was a kind of "marker" of Russian writers and artists' social position of the time, although their attention was drawn not to the English author's creative work in general but to some of his socially loaded poems, and first of all *The Song of the Shirt*, and to a less extent – *The Bridge of Sighs*, *The Lady's Dream*, *The Lay of the Labourer* which were in tune with people's aspirations of that time.

Key words: Thomas Hood, poetry, painting, drama, reception, the Russian-English historic and cultural ties, and literary connections, artistic detail.

Первое упоминание о Томасе Гуде в художественном произведении, напечатанном в России, относится к 1855 г., когда на страницах «Современника» увидел свет рассказ старшего лейтенанта королевского парового фрегата «Тигр» Альфреда Ройера «Пленные англичане в России», в четвертой главе которого в повествовании о генеральше Остен-Сакен отмечалось, что она вспоминала «о собственном сыне, который тоже недавно умер и был одних лет с Томасом Гудом» [Современник, 1855, с. 209]. С тех пор имя

английского поэта, мотивы его творчества на протяжении нескольких десятилетий неизменно возникали в произведениях русской поэзии, русской и переводной художественной прозы, соотносились с явлениями театрального, музыкального, изобразительного искусства.

Традиции творчества Томаса Гуда значимы для произведений крестьянского поэта С.Д. Дрожжина, созданных в ранний период его поэтической деятельности – с конца 1860-х по 1880-е гг. В детстве находившийся в крепостной зависимости, а затем долгое время работавший трактирным половым, лакеем, мелким приказчиком Дрожжин изнутри знал жизнь простого народа. «В его бесхитростных песнях отобразилась глубоко народная мечта о счастье и благе настоящей светлой жизни», – писал о Дрожжине В.И. Куриленков, признававший также умение поэта запечатлеть «демократические традиции прошлого» [Куриленков, 1948, с. 4], впитать в себя, творчески воспринять идейно-эстетические позиции А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова, В.Г. Белинского, А.И. Полежаева, Н.П. Огарева, И.С. Никитина, Н.А. Некрасова, Т.Г. Шевченко, Н.Г. Помяловского, Ф.М. Решетникова. В раннем творчестве Дрожжина «протесты против гнета и произвола, тьмы и рабства зачастую сказывались <...> сбивчивыми отголосками разгоравшейся тогда борьбы» [Куриленков, 1948, с. 11], что было во многом сходно с социальной позицией Гуда, не выходявшего, согласно Ф.П. Шиллеру, «из рамок жалостливого сострадания к рабочим» [Шиллер, 1933, с. 33]. На конкретные произведения социальной тематики, созданные Гудом как поэтом и человеком, обнажавшим, расширявшим общественные «раны», не будучи в состоянии залечить их [Костомаров, 1864, с. 76], Дрожжин ориентировался при создании стихотворений «Песня работника» (1869) и «Песня швей» (1875).

В дрожжинской «Песне работника», написанной на мотив «The Lay of the Labourer» («Песни работника», 1844) Томаса Гуда, можно видеть общность желания работать ради родины и семьи, ср.: «A spade! **a rake!** a hoe! / A pickaxe, or a bill! / A hook to reap, or a scythe to mow, / **A flail**, or what you will – / And here's a ready hand / To ply the needful tool (Whatever the tool to ply, / Here's a willing drudge, / With **muscle** and limb...)» [Crosby, 1861, с. 37] [Лопату! **грабли!** мотыгу! / Кирку, или садовые ножницы! / Серп, чтобы жать, или **косу**, чтобы косить, / **Цеп**, или что вы дадите – / А вот рука, готовая / Для работы с необходимым инструментом (Какой бы инструмент ни был для

работы, / Вот человек, желающий выполнять тяжелую работу, / С **сильными** руками и ногами...) – «*Давайте* работы! Я молод душою / И **силы** немало во мне, / *Давайте* хоть **соху**, хоть **грабли** с **косою**, / **Топор** или **цеп** на гумне! / *Давайте* работы! Мне каждое дело легко и **привычно**...» [Дрожжин, 1948, с. 28]. Однако анализ лексики, использованной Дрожжиным, показывает, что, скорее всего, крестьянский поэт не был знаком с английским оригиналом, а опирался на его перевод, выполненный В.Д. Костомаровым и основанный, в свою очередь, на прозаической интерпретации М.Л. Михайлова [Современник, 1861, с. 377–378]: «*Дайте грабли*, лопату, **топор** или лом, / Или серп для жнитва отточите, / Или **косу** давайте вы мне для косьбы / Или **цеп**... или что вы хотите! / И **сильна** и крепка / Будет эта рука / И ко всякой работе **привычна** (Вот, работник готов – / **Силен**, крепок, здоров, / И **привычен** ко всякой работе)» [Костомаров, 1864, с. 40]. Аналогия у Костомарова и Дрожжина видна и в повторе глагола повелительного наклонения «давайте / дайте», отсутствующего в оригинале, и в использовании лексемы «соха», никоим образом не соотносимой с подлинником Гуда, ср.: «Of plough the stubborn lea» (Т.Hood; [Crosby, 1861, с. 37]) [Или вспахать упрямую целину] – «Взрыть **сохою** упрямые нивы» (В.Д. Костомаров; [Костомаров, 1864, с. 41]) – «*Давайте* хоть **соху**» (С.Д. Дрожжин; [Дрожжин, 1948, с. 28]).

Л.И. Никольская в статье «“Песня о рубашке” Томаса Гуда в русских переводах» отметила «характерные детали русского быта и русской природы» и «лирический пейзаж, обрамляющий все повествование» [Никольская, 1970, с. 30 – 31], охарактеризовав их в качестве отличительных особенностей песни Дрожжина. И действительно, для Дрожжина предельно значима параллель между миром природы и эмоциональным состоянием героини: «На дворе уж темно, / Дождь стучится в окно, / **Буйный ветер** в трубе завывает. / Я привычной рукой / Шью, и **горькой тоской** / Моя **девичья грудь** изнывает» [Дрожжин, 1948, с. 43]. Дрожжиным не только очень точно уловлена основная мысль гудовского произведения, состоящая в желании жить полной жизнью или не жить вообще («Ей хотелось иль жить, / Иль чтоб жизни всей нить / Как-нибудь поскорей оборвалась» [Дрожжин, 1948, с. 43–44]), но и подчеркнута существенная для понимания замысла английского автора безмерность безысходности,

безнадежности: «А она все сидит / И поет песню швей за работой» [Дрожжин, 1948, с. 44].

Отдаленные отзвуки «Песни о рубашке» Томаса Гуда ощутимы также в дрожжинской «Швее» (1876; «Мать бедная с тоской / Сидит и шьет рубашку / Усталую рукой. / Слипаются у швейки / Дремотою глаза» [Дрожжин, 1907, с. 216]), в его же стихотворении «В темную ночь» (1883), представляющем женщину, занимающуюся прядением: «В бедной избе чернобровая / Пряжа на лавке сидит; / Тянет она бесконечную / Нитку из тонкого льна, / Спела бы песню сердечную, / Да не поется она» [Дрожжин, 1948, с. 91]. Такие стихотворения Дрожжина как «В избе» (1882), «Голодная» (1886) и др. также изображают «злую долю» и несчастья, муки тяжелой и горькой жизни подавленных нуждой людей. В свои песни Дрожжин внес мелодику, музыкальный строй народных крестьянских лирических песен с их драматизмом, волнующей задушевностью, богатством интонаций и сокровенной красотой [Куриленков, 1948, с. 14].

Другой яркий представитель «крестьянского» направления в русской литературе второй половины XIX в., близкий по стилю Дрожжину поэт И.З. Суриков также обращался к творчеству Гуда. Его стихотворение «Швейка», относящееся, по данным Н.А. Соловьева-Несмелова, к 1873 г. [Соловьев-Несмелов, 1884, с. 391], было впервые напечатано в 1875 г. во втором авторском сборнике стихотворений под названием «Умирающая швейка» [Суриков, 1875, с. 193–194], впоследствии неоднократно переиздавалось и в неполном виде было включено в известный в начале XX в. сборник «Песен труда» [Суриков, 1905, с. 32]. По указанию А.Л. Дымшица, в 1890-х и в начале 1900-х гг. «это стихотворение вошло в репертуар народной песни, широко видоизменялось в устном бытовании, часто превращалось в “жестокый романс”, печаталось в песенниках» [Дымшиц, 1951, с. 308], в частности, в «сборнике русских песен и стихотворений» «Машинушка», вышедшем в 1910 г.

В стихотворении «Швея (В параллель Томасу Гуду)» (опubl. в 1884 г.), представлявшем собой вольное переложение «Песни о рубашке», Я.Д. Земский, подобно В.Д. Костомарову, представил сентиментально-мелодраматическую трактовку английского оригинала [Никольская, 1970, с. 31], что проявилось в лексике, с помощью которой характеризовалась главная героиня («бедная», «швейка», «бедняжка»), и в конечном итоге существенно смягчило

социально-обличительную направленность гудовского текста. Пять из шести строф произведения Земского завершались рефреном, отдаленно напоминающим повтор подлинника Гуда: «И шьет она, бедная, шьет и поет, / Слезами свой труд орошая! / <...> / Сидит она, бедная, шьет и поет, / Слезами свой труд орошая! / <...> / Торопится швейка: и шьет она, шьет, / Слезами свой труд орошая!». Подобно Дрожжину, Земский ввел лирический пейзаж, усиливший психологизм описания: «Осенняя стужа, и сумрак, и грязь, / Шумит ветер – грусть нагоняя; / И дождь льет, о стекла худые дробясь, / В каморку к швее проникая» [Земский, 1884, с. 8].

Небольшое стихотворение «Швея», опубликованное без подписи в 1905 г. в сборнике «Песни труда» (под следующим стихотворением – подпись *Н. Данченко*), содержит, на первый взгляд, мирную, незатейливую картинку («Насупротив в оконце / Работница строчит. / Машина, что кузнечик, / Выводит тик да тук! / Как будто дождь колечек / Посыпался из рук. / Убогая косынка, / Склоненная швея... / Нехитрая картинка, – / А загляделся я!» [Данченко, 1905, с. 20]), в которой, однако, скрыта великая человеческая драма, выраженная в гудовской «Песне о рубашке»: «Вся сцена, словно рамой, / Окном обведена – / И жизненной драмой / Загадочно полна. / И впрямь, почти картина: / Так вечно может быть, – / Стучать должна машина, / Швея должна строчить» [Данченко, 1905, с. 20–21].

Опубликованное в том же сборнике и под таким же заголовком произведение Л.И. Андрусона – поэта, известного своими переводами из Г. Гейне, Р. Баумбаха, Р. Бернса, Дж. Китса, Р. Шаукаля, Р. Демеля, а также с эстонского и финского языков – также отдаленно напоминает «Песню о рубашке» Томаса Гуда, прежде всего, неоднократным повтором оборота «шьет она» [Андрусон, 1905, с. 37–38]. Андрусон, будучи, по преимуществу, лириком, любящим и понимающим природу и вечную её красоту, представил картины окружающего весеннего мира, контрастирующие с безрадостной жизнью швеи: «За окном синее небо, / За окном весна. / <...> / В синем небе реют стаи / Белых облаков, / Ветер дышит ароматом / Полевых цветов, / Льет полей далеких свежесть, / <...> / В небе жаворонок звонко, / Весело поет. / В даль – туда, где лес и поле, / Облако плывет... / <...> / А весенний теплый ветер / Свежестью полей / Вольно веет, расплетая / Прядь ее кудрей» [Андрусон, 1905, с. 37–38].

В 1913 г. в авторском сборнике «Песни воли и тоски. 1900 – 1912 гг. (За 12 лет)», включавшем, наряду с оригинальными произведениями, переводы из Г. Гейне, А. Мицкевича, Ш. Петефи и других европейских поэтов, было напечатано соотносимое с «Песней о рубашке» вольное переложение А.П. Доброхотова «Швея (На мотив из Гуда)». По наблюдению Л.И. Никольской [Никольская, 1970, с. 32], подтверждаемому очевидными лексическими параллелями, произведение Доброхотова характеризуется влиянием переводов русских поэтов-предшественников, прежде всего, М.Л. Михайлова и В.Д. Костомарова. Например, мотив боли в затекших руках, напрямую не выраженный в оригинальном тексте («With fingers weary and worn, / With eyelids heavy and red» [Mont, 1903, p. 278, 280] [Пальцы устали и истерлись, / Веки тяжелые и красные]), стал одной из ярких особенностей русских переводов (ср.: «Затекшие пальцы болят, / И веки болят на опухших глазах...» (М.Л.Михайлов [Современник, 1861, с. 41, с. 44]) – «Усталые пальцы болят, затекли, / Смежаются веки дремотой» (В.Д.Костомаров), а затем и вольного переложения Доброхотова: «Устала... Затекшие руки болят... / Слипаются бедной глаза...» [Доброхотов, 1913, с. 90].

В интерпретации Доброхотова можно видеть и оригинальные творческие находки, такие, как нарочитое нагнетание однокоренных слов при создании образа весны («О, только бы раз ей один *подышать* / *Дыханьем* зеленых лугов, / *Свободной* рукою *свободно* нарвать / Душистых весенних цветов» появление имени у главной героини («А *Соня*, покорная доле, / Работая, песнь о рубашке поет. / <...> / Мы ландышей свежих для Сони нарвем...» [Доброхотов, 1913, с. 90–91]).

Отдаленный мотив «Песни о рубашке» звучит в стихотворении Ф.К. Сологуба «Швея» («Нынче праздник. За стеною...»), впервые опубликованном в 1905 г. в журнале «Вопросы жизни» [Вопросы жизни, №9, 1905, с. 1] и впоследствии включавшемся в многочисленные антологии революционных произведений: «Шей нарядные одежды / Для изнеженных госпож!». К образу швеи Ф.К. Сологуб обращался и ранее, написав в октябре 1894 г. стихотворение «Швея» («Истомила мечта...»), в котором пустоте и бессмысленности жизни, наполненной бесконечным трудом, противопоставлена трепетная мечта о любви: «За машиной шумливой сидит молодая швея. / И грустна, и бледна, серебрится луна... / <...> / И грустна, и

бледна молодая швея. / <...> / Эта жизнь и скучна и пуста, / А в мечте
лучезарна любовь» [245, с. XXXIX].

В 10-м стихотворении цикла «Заклятие огнем и мраком» (1907) А.А. Блоком по-лемически использован припев «Песни о рубашке» в переводах М.Л. Михайлова и В.Д. Костомарова с его характерным повтором «Работай, работай, работай»: «Работай, работай, работай: / Ты будешь с уродским горбом / За долгой и честной работой, / За долгим и честным трудом» [Блок, 1907, с. 70].

С начала 1910-х гг. мотивы «Песни о рубашке» появляются в написанных Т.Л. Щепкиной-Куперник стихотворениях социальной тематики «Песня за прялкой» (1912) и «Песня над рубашкой» (1915). Первое из произведений проникнуто жалостью по отношению к подруге-пряхе: «Как допрясть надоевшую нить / Утомленной, усталой рукой?» [Щепкина-Куперник, 1912, с. 93]; второе же является песней русской женщины, «ночь напролет» шьющей одежду для солдат, ушедших на фронт в Первую мировую войну: «Выводя свою ровную строчку, / Просижу я всю ночь напролет» [Щепкина-Куперник, 1915, с. 37–39].

Традиции Гуда можно видеть не только в русской поэзии второй половины XIX – начала XX в., но и в прозе русских писателей этого времени. В финале романа «Что делать?» (1862 – 1863), «намекая читателям на грядущее торжество свободы» [Перепелица, 1970, с. 51], Н.Г. Чернышевский процитировал рядом со строками из «Нового года» (1852) Н.А. Некрасова («Да разлетится горе в прах. / И в обновленные сердца / Да снидет радость без конца» [Чернышевский, 1939, с. 336]) стихи «Черный страх бежит как тень / От лучей, несущих день; / Свет, тепло и аромат / Быстро гонят тьму и холод; / Запах тленья все слабей, / Запах розы все слышней...» [Чернышевский, 1939, с. 336] из последнего стихотворения Томаса Гуда «Stanzas» («Стансы», 1845) в поэтическом переводе М.Л. Михайлова [Современник, 1862, с. 708]. «Стансы» были написаны английским поэтом в промежутке между приступами тяжелой болезни и подчеркивали «торжество человеческого духа, победу света над тьмой» [Коваленко, 1975, с. 19], созвучные настроениям Н.Г. Чернышевского в период создания его главного произведения: «Cloudy fears and shapes forlorn / Fly like shadows at the morn, – / O'er the earth there comes a bloom; / Sunny light for sullen gloom, / Warm perfume for vapor cold – / I smell the rose above

the mould!» [A.L.Burt Company. 2005, p. 709] [...темный страх и грозные образы разлетаются, как тени при появлении утра. Земля расцветает, и тяжелая мгла сменяется солнечным светом, холодный туман – теплым ароматом. Запах розы мне слышнее запаха могилы!] (прозаический перевод М.Л. Михайлова; [Современник, 1861, с. 387]).

По мнению Г.Ф. Коган, подготовившей реальный комментарий к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) и его рукописным редакциям для наиболее авторитетного 30-томного «Полного собрания сочинений» писателя, одним из источников для сна Раскольникова в этом произведении могла стать, наряду с повестью В. Гюго «Последний день приговоренного к смерти» («Le Dernier jour d'un condamne», 1829), и поэма Томаса Гуда «Сон Юджина Эррема, убийцы» («The Dream of Eugene Aram, the Murderer», 1829) в переводе В.Д. Костомарова [Русский вестник. 1862, с. 826–833], в которой «рисуетя сон убийцы и непреодолимая сила, влекущая его к месту совершенного им преступления» [Достоевский, 1973, с. 383]. Также известно, что в библиотеке Ф.М. Достоевского имелся сборник стихотворений В.П. Буренина «Былое» (1880), включавший, в числе прочего, ряд переводов из Томаса Гуда, среди которых и перевод «Сна Юджина Эррема, убийцы» [Библиотека Достоевского, 2005, с. 29–30].

М.П. Забелло в романе «Подсечное хозяйство, или Земство строит железную дорогу» (1881) высказывает сомнения в подлинной близости произведений Гуда реальному пониманию жизни как швеями, так и барышнями и барынями: «...вы смотрите на себя как на необходимых и вполне законных спутников прогресса и цивилизации общества и, когда слепите ваши глаза над шитьем из самых пестрых и самых убийственных для глаз материй нарядных платьев для барышень и барынь, вы не поете «Песню о рубашке» Томаса Гуда, как не поют барышни и барыни, щеголяющие в изготовленных вами нарядах, «Сон леди» того же Томаса Гуда!» [Забелло, 1881, с. 177].

А.К. Шеллер-Михайлов в романе «Дети улицы» (1905) включает в речь одного из своих героев – Холтурина – упоминание о швее из «Песни о рубашке» Томаса Гуда и нетерпимо тяжелом социальном положении работниц: «Я не знаю ничего ужаснее положения этих девочек, трубящих над шитьем свою молодость, красоту, здоровье. Помнишь Томаса Гуда: “Шей, шей, шей!”» [Шеллер-Михайлов, 1905, с. 451]. Тан <В.Г. Богораз> упоминает о Гуде и его «Песне о рубашке» в «повести из жизни города Пропадинска»

«Развязка» (1905): «Девушка за швейной машиной, представляющая олицетворение и символ женского труда в современном обществе, казалась ему достойной высшей справедливости, и “Песня о рубашке” Гуда зажигала его душу такой же страстью, как “Марсельеза рабочих”, “Sztandart czervony” или первомайский гимн» [Тан, 1905, с. 61]. К.Д. Бальмонт в цикле «Малые зерна. Мысли и ощущения» (1907) процитировал замечание Э. По о творчестве Гуда, после чего высказал собственное суждение о современной ему русской и западноевропейской поэзии: «Эдгар По сказал о стихах Томаса Гуда: “Его стихи не очень хромы, но они не имеют способности бегать”. Гении создают формулы на много времен и местностей. Мелодический создатель “Аннабель-Ли” и “Колокольчиков”, наверно, повторил бы свои слова, читая современных русских поэтов. Европейских он вовсе не стал бы читать» [Мысли и ощущения, 1907, с. 49].

Имя Томаса Гуда появлялось в русской печати и на страницах переводной прозы. Так, в приложении к №11 «Современника» за 1864 г. были напечатаны без указания имени переводчика «Сатирические очерки» («Roundabout Papers», 1860 – 1863) У.Теккеря, среди которых (на с. 138 – 149) был XIV очерк «По поводу каламбура, который я слышал однажды от покойного Томаса Гуда», в котором, в частности, утверждалось, что вершиной творчества английского поэта, «его Корунной, его Абрагемскими высотами» было стихотворение «Мост вздохов», написанное в конце жизни: «...большой, слабый, израненный, он <Томас Гуд> пал в пылу битвы, окруженный славою знаменитой победы». Наконец, в финале очерка звучало неожиданное признание Теккеря, передававшее уважение к Гуду как к личности, сочетавшееся с несколько прохладным отношением к его поэтическому наследию: «... жизнь Гуда мне нравится больше его книг».

Перевод книги Самуэля Смайльса «Характер», выполненный С. Майковой и опубликованный в Санкт-Петербурге в 1872 г., содержал подробный рассказ о семейной жизни Томаса Гуда, завершившийся интересным выводом относительно роли жены в его судьбе и творчестве:

«Мистрис Гуд была не только утешительницею своего мужа, но и помогала ему в его специальных занятиях. Он питал такое глубокое доверие к ее здравым суждениям, что читал и перечитывал ей все, что писал, и даже в исправлении своих сочинений нередко

руководствовался ее советами. Многие из его статей вначале были посвящены ей; ее хорошая память часто доставляла ему нужные намеки в цитаты. Таким образом, мистрис Гуд навсегда приобрела себе право занять одно из первых мест наряду с благородными женами – помощницами талантливых писателей» [Смайльс, 1872, с. 442].

В романе Вальтера Безанта «Лондонские пролетарии», публиковавшемся в «Вестнике Европы» в 1886 г. в переводе А.Н. Энгельгардт (за подписью А.Э.), в контексте рассуждений о социальной несправедливости, жизненных трудностях девушек, занятых тяжелым физическим трудом, дана высокая оценка «Песни о рубашке» как произведения, непосредственно взятого из действительности:

«Предположим, что девушка узнает и поймет так или иначе о несправедливости, какой подвергаются лондонские рабочие женщины, о том, какие они переносят страдания, – такие страдания, понять которые можно только, видя их изо дня в день; и предположим, что она великодушная и умная девушка, и добрая... подумай, как много такая девушка может сделать добра! Милая Берта, подумай о тех вещах, которые ты сама читала и плакала над ними, хотя никогда их хорошенько не понимала... Я говорю о страданиях рабочих девушек. Мы не можем поверить, что “Песня о рубашке” взята из действительности, а не страшная только фантазия. Сорок слишком лет прошло с тех пор, как Гуд написал ее, а я уверена, что она и теперь могла бы быть написана и ежедневно спета» [Вестник Европы №10, 1886, с. 642].

Роман немецкого писателя-натуралиста Макса Крецера «Загубленные», впервые опубликованный в России в 1906 г. в переводе В.А. Кошевич, содержал эпизод (ч. I, гл. VII), связанный с чтением и обсуждением «Песни о рубашке» Томаса Гуда в переводе В.Д. Костомарова, текст которой был приведен в романе полностью:

«Оскар сел на табуретку, маленькая Маша – на скамеечку, Магда прислонилась к выкрашенной в голубой цвет стене, и глаза всех устремились на мальчика, который стал громко читать:

– Песня о рубашке. (С английского). Томаса Гуда. Усталые пальцы болят, затекли, / Смежаются веки дремотой, – / А женщина в рубище жалком сидит, – / Сидит за тяжелой работой. / Шей, шей, шей! <...>.

В рецензии на опубликованный под именем Джонни Ледлау

(псевдоним *Эллен Вуд*) в 143-м выпуске серии «Книжка за книжкой» рассказ «Малолеток», помещенной в №6 «Вестника воспитания» за 1907 г., отмечалось, что «в маленьком рассказе <...> автор набрасывает несколько картинок из личных наблюдений над жизнью сельского пролетариата, особенно детей, с ранних лет принужденных исполнять тяжелые работы в качестве подручных на фермах арендаторов в поместьях английских лордов» [Вестник воспитания №6, 1907, с. 85]. Рассказ, написанный «правдиво и с чувством», но не отличающийся художественными достоинствами, сопровождался в издании «Книжки за книжкой» «недурно составленной» пояснительной заметкой «о положении труда в современном общественном строе с приложением перевода стихотворений Елизаветы Броунинг “Плач детей” и Томаса Гуда “Песня о рубашке”» [231, на что также обращал внимание анонимный рецензент. «Песня о рубашке» была дана в русском издании «Малолетка» в переводе М.Л. Михайлова и предварена следующим комментарием, соотносящим описание с реальными событиями: «Годов сорок тому назад английские газеты очень волновались, когда добросовестный врач расследовал причину смерти молодой швеи, и громко заявил, что она умерла “единственно от непосильной работы” – “заработалась насмерть”. Вот знаменитое стихотворение английского поэта Томаса Гуда – “Песнь о рубашке”. В нем Гуд дает глубоко-прочувствованную картину жизни такой швеи».

Произведения Томаса Гуда постепенно стали предметом публичного чтения, зазвучали с русской сцены. П.И. Вейнберг внес «Песню о рубашке» в переводе В.Д. Костомарова в хрестоматию «Практика сценического искусства», опубликованную в 1888 г. В очерке известного русского драматурга В.А. Крылова «Таврическая школа. Почин общественной самодеятельности 1860-х годов» было рассказано о публичном чтении «Песни о рубашке», предпринятом артисткой Александровой 2-й, чей ухоженный, роскошный облик контрастировал с текстом избранного произведения:

«В числе чтецов была тоже молоденькая, только что вышедшая из театральной школы актриса русского театра, Александрова 2-я. Я принимал участие в ее театральной судьбе и выбрал для ее чтения очень пришедшиеся тогда по вкусу публике стихи Томаса Гуда «Песнь о рубашке». Правду сказать, было немного странно сопоставление

чтицы с чтением. Красивая восемнадцатилетняя брюнетка, в белом бальном платье, с открытыми плечами, с красной розой на груди, в длинных белых перчатках, расчесанная у лучшего куафера, читала о нищете несчастной работницы швеи, которая должна ночи напролет шить рубашки, в сыром мрачном подвале, где даже «стены плачут». Артистка с горем повторяла: «шей! шей!» – хотя, может быть, в жизнь свою никогда пуговицы себе сама не пришила. Такие контрасты не бросались в глаза» [Крылов, 1908, с. 147].

П.И. Чайковский в очерке «Четвертая неделя концертного сезона», впервые опубликованном в 1875 г. в «Русском вестнике», а впоследствии вошедшем в сборник «Музыкальных фельетонов и заметок (1868 – 1876 гг.)» [Библиотека для чтения №4, 1864, с. 270–276], рассказывая о литературно-музыкальном вечере «в пользу недостаточных студентов», состоявшемся в Большом театре, охарактеризовал обстоятельства чтения тогда еще восходящей звездой сцены актрисой М.Н. Ермоловой стихотворения Томаса Гуда «The Lady's Dream» («Сон леди»), оценив сам факт выбора социально ориентированного произведения как «дешевое либеральничанье» со вкусами «мало развитого общества», выглядевшее тем более карикатурно, что слова «гражданской скорби» звучали из уст «роскошно и с большим вкусом» одетой актрисы перед не менее роскошной публикой:

«Г-жа Ермолова, конечно очень талантлива и конечно очень симпатична. Следует радоваться, что наша публика так единодушно выражает ей свою благосклонность, и я был один из тех, которые от всей души рукоплескали ее появлению. Но зачем же эта восходящая звезда Малого театра прибегает к искусственным средствам, чтобы добиться популярности; зачем она потакает дешевому либеральничанью мало развитого большинства, выбирая для публичной декламации пьесы столь не художественные, столь преисполненные фальши и лжи, пропитанные столь пошлой моралью и столь сентиментально-кислым пафосом – как те, которые она прочла на разбираемом мной концерте. В первой прочитанной г-жой Ермоловой пьесе в лице вскочившей со сна леди, Томас Гуд громит дам хорошо одевающихся, жестоко нападает на всякие украшения дамского туалета и мотивирует свое негодование на кокетливость прекрасного пола тем, что все, будто бы, надеваемое, прищипливаемое и прикалываемое дамами получается ценою непосильной работы,

всяких физических страданий и преждевременной смерти изможденных, исхудалых, голодных, чахоточных тружениц. Все это изложено очень красиво, очень чувствительно, очень колко, — но, предположив даже, что гражданская скорбь Томаса Гуда основательна и сочувствие к этой скорби в г-же Ермоловой очень искренно, — спрашиваю, уместно ли и последовательно ли было со стороны этой роскошно и с большим вкусом разодетой молодой артистки, пред лицом множества столь же хорошо одетых дам изливать свое горячее негодование на шелк, бархат, парюры, кольца, браслеты и шиньоны?» [Библиотека для чтения №4, 1864, с. 274].

Далее П.И. Чайковский объяснял выбор М.Н. Ермоловой тем очевидным для него обстоятельством, что «ничто так не вызывает рукоплесканий в массах публики, как тирады, проникнутые хотя бы ложною гражданской скорбью»; подобный «тонкий расчет» был чужд композитору, который вместе с тем признавал, что желаемый актрисой результат – восторг публики – был достигнут [Библиотека для чтения №4, 1864, с. 274].

Впрочем, далеко не все деятели русской культуры отнеслись к Гуду и его творчеству так же, как П.И. Чайковский. Известно, что «Песня о рубашке» в 1860-е гг. привлекла внимание композитора В.Н. Пасхалова, только начинавшего свой творческий путь и являвшегося вольнослушателем Парижской консерватории. Об условиях, в которых В.Н. Пасхаловым создавалась русская музыка на слова Томаса Гуда, писал К.И. Храневич: «В Париже Пасхалову пришлось терпеть самую крайнюю нужду: он жил чуть не на чердаке, занимал угол в семье какого-то захудалого портного и голодал по несколько дней до потери сознания. В одну из таких голодовок Пасхалов написал музыку на слова Томаса Гуда «Песня о рубашке» – по отзывам, лучшее из произведений этого композитора (осталось ненапечатанным)» [Русский биографический словарь, Т. 13, 1902, с. 365]. Более подробно эта же история изложена А.И. Рубцом в изданном в 1886 г. «Биографическом лексиконе русских композиторов и музыкальных деятелей», причем содержащаяся в его тексте отсылка к антологии Н.В. Гербеля «Английские поэты в биографиях и образцах» позволяет предположить, что на музыку был положен напечатанный там перевод М.Л. Михайлова:

«Однако, как ни успешно занимался В.Н. музыкой, ему нужно было пропитать себя; желудок заявлял свои права, – а есть было нечего. Он голодал нередко по шесть дней, до тех пор, пока кто-нибудь из друзей не накормит его. И вот, именно в пору одной из таких голодовок, В.Н. написал музыку на слова столь известного произведения Томаса Гуда “Песня о рубашке” (“Английские поэты”, издание Гербея, стр. 367). Этой песней Пасхалов всегда вдохновлялся; он плакал горькими слезами, когда читал ее... Люди, слышавшие сочиненную им на эту песню музыку, говорят, что это лучшее, что мог создать его могучий талант. Мысль написать музыку на песню Т. Гуда у В.Н. возродилась при следующих обстоятельствах. Мы уже сказали о том, что в Париже он нередко по несколько дней голодал. За это время он настолько ослаб физически, что еле переходил из одного угла своей комнаты в другой. Это была собственно и не комната, а что-то вроде чердака, в шестом этаже дома. Раз вознамерился он спуститься с лестницы, ведущей из его комнаты на улицу. Несколько не доходя до дверей, он скатился с лестницы и грохнулся о дверь квартиры, в которой жила швея. Эта бедная труженица его приютила, накормила и помогла ему своими последними 30-ю франками, на которые Пасхалов потом прожил «безбедно» целый месяц. Этим эпизодом объяснял сам покойный происхождение музыки на “Песню о рубашке”. Этим творением В.Н. Пасхалов всегда сам восхищался; им он жил, им увлекался, называя его “своею лебединою песней”, о которой он так отзывался: «На памятнике незабвенного поэта Т. Гуда только и значится: *Он спел песню о рубашке*. Я был бы счастлив, если бы я знал, что на моем памятнике будет написано: *Он сочинил музыку на “Песню о рубашке”*». Очень жаль, если покойный не оставил нам своего чудного произведения; не знаем, было ли оно у него в рукописи; знаем только то, что он часто играл его, и играл всегда на память, играл всегда одинаково и был только недоволен одним местом: это переходом, начиная со слов: “о, только бы час лишь один» [Биографический лексикон русских композиторов и музыкальных деятелей, 1886, с. 70].

Под влиянием «Песни о рубашке» Томаса Гуда М.П. Мусоргский создал пьесу для фортепиано «Швея» (1871), воссоздавшую образ работницы – грациозного, милого, но бедного, задумчивого и элегического существа, теснимого нуждой.

Воздействием другого стихотворения Гуда «Мост вздохов» можно отчасти объяснить появление картины В.Г. Перова «Утопленница» (1867), представившей страшную сцену: раннее утро, сырой туман, берег речки, и на земле – бедное вздутое тело молодой женщины, вынутой из воды. Кроме того, в рассказе «Под крестом» (1881) из цикла «Рассказов художника» В.Г. Перов создал сентиментально-элегический образ главной героини Веры Николаевны Добролюбовой, для которой Томас Гуд как автор «Песни о рубашке» оставался, наряду с Виктором Гюго, пожизненным кумиром.

Как видим, традиции творчества Томаса Гуда в русской литературе и культуре второй половины XIX – начала XX в. достаточно многочисленны и при этом весьма тенденциозны. Обращение к произведениям Гуда являлось своеобразным «маркером» социальной позиции русских писателей и деятелей культуры этого времени, причем их внимание привлекало не творчество английского автора в целом, а отдельные его стихотворения социальной направленности, прежде всего – «Песня о рубашке», в меньшей степени – «Мост вздохов», «Сон леди», «Песня работника», оказавшиеся созвучными общественным настроениям эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрусон Л.И. Швея / Л.И. Андрусон // Песни труда: [Сб. стихотворений]. – 2-е изд., доп. – Ростов-н/Д.: Донская речь, 1905. – С. 37–39.

Бальмонт, К.Д. Малые зерна: Мысли и ощущения / К.Д. Бальмонт // Весы. – 1907. – №3. – С. 47–56.

Безант, В. Лондонские пролетарии: Роман. Кн. первая. Гл. VI – X. Кн. вторая. Гл. I – VII / Перевод с англ. А.Э. <А.Н.Энгельгардт> / В. Безант // Вестник Европы. – 1886. – №10. – С. 620 – 686.

Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. – СПб.: Наука, 2005. – 338 с.

Биографический лексикон русских композиторов и музыкальных деятелей / Сост. А.И. Рубец. – СПб.: изд. музыкального магазина А. Битнера, 1886. – 120 с.

Буренин, В.П. Былое: Стихотворения / В.П. Буренин. – СПб.: изд. кн. магазина «Нового времени», 1880. – 336, IV с.

[Данченко, Н. (?)]. Швея / Н. Данченко // Песни труда: [Сб. стихотворений]. – 2-е изд., доп. – Ростов-н/Д.: Донская речь, 1905. – С. 20 – 21.

Доброхотов, А.П. Песни воли и тоски. 1900 – 1912 гг. (За 12 лет) / А.П. Доброхотов. – М.: печатня А.И. Снегиревой, 1913. – [8], 336 с.

Дрожжин, С.Д. Стихотворения. 1866 – 1888 гг. С портретом и записками автора о своей жизни и поэзии / С.Д. Дрожжин. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: типолитография Т-ва И.Кушнерев и К^о, 1907. – [6], 533 с.

Дрожжин, С.Д. Избранное / С.Д. Дрожжин. – М.: Гослитиздат, 1948. – 228 с.

Дымшиц, А.Л. Примечания / А.Л. Дымшиц // Суриков И.З. Собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1951. – С. 291–330.

Забелло, М.П. Подсечное хозяйство, или Земство строит железную дорогу: Роман. Часть третья. Гл. VI и VII. Часть четвертая. Гл. I / М.П. Забелло // Русская мысль. – 1881. – №8. – С. 130–201.

Земский, Я.Д. Швея (В параллель Томасу Гуду) / Я.Д. Земский // Россия. – 1884. – №4 (22 янв.). – С. 8.

Илецкий, М. <Михайлов М.Л.>. Стансы («Жизнь, прощай! Мутится ум...») / М. Илецкий // Современник. – 1862. – №4. – С. 708.

Коваленко, Н.П. Поэзия Томаса Гуда: Автореферат дис. ... канд. филол. н. / Н.П. Коваленко. – Горький, 1975. – 22 с.

Коган, Г.Ф. <Реальный комментарий к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»> / Г.Ф. Коган // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука, 1973. – Т. 7. – С. 363–412.

Костомаров, В.Д. Сон Евгения Арама (Томаса Гуда) / В.Д. Костомаров // Русский вестник. – 1862. – Т. 39. – №5/6. – С. 826–833.

Костомаров, В.Д. Песня работника / В.Д. Костомаров // Избранные поэты Англии и Америки. №1. Г.В. Лонгфелло, Елизавета Баррет Броунинг, Томас Гуд. – СПб.: тип. Э.Метцига, 1864. – С. 40–45.

Костомаров, В.Д. Примечания / В.Д. Костомаров // Избранные поэты Англии и Америки. №1. Г.В. Лонгфелло, Елизавета

Баррет Броунинг, Томас Гуд. – СПб.: тип. Э. Метцига, 1864. – С. 75–87.

Крецер, М. Загубленные: Роман в 2 ч. Ч. 1. Гл. V – VII / Перевод с нем. В.А.Кошевич / М. Крецер // Русская мысль. – 1906. – Т. XXVII. – №2. – С. 83–163.

Крылов, В.А. Таврическая школа. Почин общественной самодеятельности 1860-х годов: [Очерк] / В.А. Крылов // Крылов В.А. Прозаические сочинения: В 2 т. – СПб.: тип. И.В.Леонтьева, 1908. – Т. 2. – С. 115–152.

Куриленков, В.И. С.Д. Дрожжин / В.И. Куриленко // Дрожжин С.Д. Избранное. – М.: Гослитиздат, 1948. – С. 3 – 18.

Михайлов, М.Л. Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд / М.Л. Михайлов // Современник. –1861. – Т. 85. – №1. – С. 283 – 318; Т. 88. – №8. – С. 357–390.

Никольская, Л.И. «Песня о рубашке» Томаса Гуда в русских переводах / Л.И. Никольская // Ученые записки / Смоленский гос. пед. ин-т им. Карла Маркса, Новозыбковский гос. пед. ин-т. – Смоленск, 1970. – Вып. XXV. – С. 27–32.

Перепелица, В.И. Поэзия Томаса Гуда в России / В.И. Перепелица // Студенческие научные работы: Сб. статей. – Алма-Ата: Изд-во Казахского гос. ун-та им. С.М.Кирова, 1970. – Вып. 1. – С. 48–52.

Пленные англичане в России. Рассказ старшего лейтенанта королевского парового фрегата «Тигр» Альфреда Ройера // Современник. – 1855. – Т. 52. – №8. – С. 197–232.

[Рец.:] **Калека. Быль. Мэсон-Форестье.** Изд. редакции «Книжка за книжкой». Малолеток. Рассказ Ледлау. Изд. той же ред. // Вестник воспитания. – 1907. – №6. – Критика и библиография. – С. 83–86.

Смайльс, С. Характер / Перевод с англ. С. Майковой / С. Смальс. – СПб.: изд. Я.М.Шульгина, 1872. – 490 с.

Соловьев-Несмелов, Н.А. <Хронологический перечень стихотворений И.З.Сурикова> / Н.А. Соловьев-Несмелов // Суриков И.З. Стихотворения. Полное собрание с портр. автора, грав. в Лейпциге, факс., фотографич. снимком памятника с могилы покойного поэта и биографическим очерком жизни его. – 4-е изд. – М.: тип. К.Т. Солдатенкова, 1884. – С. 389–394.

Сологуб, Ф. Швея («Истомила мечта...») / Ф. Сологуб // Сологуб Ф.К. Стихи. Книга первая. – СПб.: тип. Морского министерства в Главном адмиралтействе, 1896. – С. XXXIX.

Суриков, И.З. Швейка / И.З. Суриков // Песни труда: [Сб. стихотворений]. – 2-е изд., доп. – Ростов-н/Д.: Донская речь, 1905. – С. 32.

Тан <Богораз В.Г.>. Развязка: Повесть из жизни города Пропадинска / В.Г. Тан-Богораз // Мир Божий. – 1905. – №10. – С. 35–62.

-цкой В.Д. [Костомаров В.Д.]. Трилистник Томаса Гуда. I. Песня о рубашке. II. Песня работника. III. Часы рабочего дома // Библиотека для чтения. – 1864. – №4. – С. 1–10.

Шеллер-Михайлов, А.К. Дети улицы: Роман / А.К. Шеллер-Михайлов // Шеллер-Михайлов А.К. Полное собрание сочинений: В 16 т. – СПб.: изд. А.Ф.Маркса, 1905. – Т. 14. – С. 353–502.

Шиллер, Ф.П. Очерки по истории чартистской поэзии / Ф.П. Шиллер. – М.;Л.: ГИХЛ, 1933. – 172 с.

Щепкина-Куперник, Т.Л. Облака: Сборник стихов / Т.Л. Щепкина-Куперник. – М.: Т-во скоропечатни А.А.Левенсон, 1912. – 295, V с.

Щепкина-Куперник, Т.Л. Отзвуки войны: Стихотворения / Т.Л. Щепкина-Куперник. – М.: изд. Т-ва И.Д.Сытина, 1915. – 96 с.

The Masterpieces and the History of Literature: In 10 vol. – New-York-Chicago: E.R. du Mont, 1903. – Vol. IX. – 342 p.

The Poetical Works of Thomas Hood. – Boston: Crosby, Nichols, Lee & Company, 1861. – 480 p.

The Poetical Works of Thomas Hood. – New-York: A.L.Burt Company, 2005. – 1422 p.